

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-14>

УДК 159.9

Дело, Мысль и Слово Алексея Николаевича Леонтьева

А.Н. Ждан¹, Е.Е. Соколова^{✉1}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

✉ ees-msu@mail.ru

Резюме

Актуальность. В статье представлены важнейшие события творческой биографии А.Н. Леонтьева (1903–1979), проанализированы некоторые моменты созданной им психологической теории деятельности. Актуальность обращения к наследию А.Н. Леонтьева и его школы определяется реализованной в нем методологии психологических исследований, альтернативной господствующим в современной мировой науке подходам к изучению сознания.

Целями работы были выделение тех моментов психологической теории деятельности, которые нашли свою успешную реализацию в «высокоорганизованной практике», и обсуждение ряда дискуссионных вопросов культурно-деятельностной психологии.

Источниками исследования, историко-психологического по жанру и методам, выступили не только известные работы А.Н. Леонтьева, его соратников и оппонентов, но и некоторые архивные материалы, в том числе те, которые ранее не были введены в научный оборот.

Результаты. Предложено новое решение проблемы соотношения Слова и Дела, ставшей в свое время предметом дискуссий Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева и обсуждаемой до сих пор в современной литературе.

Утверждается, что учение А.Н. Леонтьева о формах связи значений и смыслов в структуре сознания вошло составной частью в методологические основы «педагогики свободы», ориентированной на формирование культуры мышления обучающихся и их личностное развитие; приведены примеры реализации подобной педагогики в обучении студентов на факультете психологии МГУ. На основе изучения личных писем из семейного архива представлены некоторые новые подробности административно-организационной деятельности А.Н. Леонтьева во время Великой Отечественной войны.

Выводы. В качестве ближайших задач историко-психологического изучения творческого наследия А.Н. Леонтьева следует назвать: 1) анализ эмпириче-

ских исследований его школы в 1940-е и последующие годы; 2) системное изучение вклада данной школы в практическую психологию; 3) создание полной и подробной хронологии жизни и творчества А.Н. Леонтьева; 4) написание учебно-методических пособий для обучающихся психологии с разъяснением сложных положений теории деятельности А.Н. Леонтьева и противоречий в ней, а также с научными комментариями к его работам с учетом социокультурного контекста их создания.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, Харьковская школа, деятельность, сознание, значение, смысл, факультет психологии МГУ.

Для цитирования: Ждан А.Н., Соколова Е.Е. Дело, Мысль и Слово Алексея Николаевича Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 2. С. 23–45. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-14>

LIFE AND ACTIVITY

Scientific Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-14>

Deed, Thought, and Word of Alexey Nikolaevich Leontiev

Antonina N. Zhdan¹, Elena E. Sokolova^{✉1}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

[✉]ees-msu@mail.ru

Abstract

Background. The article presents the most important events in the scientific biography of A.N. Leontiev (1903–1979). Some aspects of his psychological theory of activity are being analyzed. The relevance of addressing the heritage of A.N. Leontiev and his scientific school is determined by the implemented methodology of psychological research, which is an alternative to the approaches to the study of consciousness that dominate in modern world science.

Objectives of the paper were to highlight those aspects of psychological theory of activity that were successfully implemented in “highly organized practice” as well as to discuss some controversial issues of cultural-activity psychology.

Method. Well-known works of Leontiev, his colleagues, and opponents served as sources for the study, historical and psychological in genre and methodology. Some archive materials, including those that have not been previously introduced to scientific community were used as well.

Results. A new solution to the problem of the relation between Word and Deed, which was debated by L.S. Vygotsky and A.N. Leontiev and is still being debated in the modern literature, is proposed. It is stated that Leontiev's doctrine on the forms of connection between meanings and senses in the structure of consciousness was included in the methodological foundations of "pedagogy of freedom", seeking to develop a culture of thinking and personal growth in students. The examples of the realization of this pedagogy in teaching students at the Faculty of Psychology of Moscow State University are presented. Studying personal letters from the family archives provided some new details about Leontiev's administrative and organizational activities during the Great Patriotic War.

Conclusion. The immediate tasks of the historical and psychological study of Leontiev's contribution are to: 1) analyze the empirical research of his school in the 1940s and the following years; 2) study systematically the contribution of this school to practical psychology; 3) create a complete and detailed chronology of A.N. Leontiev's life and work; 4) develop teaching aids for psychology students with the explanation of the complex issues and contradictions in A.N. Leontiev's activity theory as well as with scientific comments on his works, within the socio-cultural context of their creation.

Keywords: A.N. Leontiev, L.S. Vygotsky, Kharkov School, activity, consciousness, meaning, sense, Faculty of Psychology, Moscow State University.

For citation: Zhdan, A.N., Sokolova, E.E. (2023). Deed, Thought, and Word of Alexey Nikolaevich Leontiev. *Lomonosov Psychology Journal*, 46(2), 23–45. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-14>

Точка зрения психологии есть точка зрения жизни,
и психология не смеет ее покидать.

А.Н. Леонтьев

Введение

Очередной — уже 120-летний — юбилей Алексея Николаевича Леонтьева дает прекрасный повод вновь обратиться к некоторым составляющим его научного наследия, значимым для современной психологии, а также коснуться моментов жизненного пути классика отечественной психологии в сложных социокультурных условиях советского времени. Из всех возможных линий анализа созданной им и его школой общепсихологической теории деятельности, которые могут представлять интерес не только для профессионалов, но и для новичков в психологии, мы выбрали линию, связанную с весьма

распространенной критикой данной теории за ее «абстрактность» и отсутствие применимости к решению практических задач.

Между тем теория деятельности школы А.Н. Леонтьева (равно как и культурно-деятельностная психология в целом) изначально создавалась в процессе размышления над путями решения жизненно важных проблем. Более того, многие развиваемые данной школой теоретические положения нашли свою реализацию в жизни ее участников. Именно поэтому мы представим неизбежные в «юбилейных» статьях подробности биографии Алексея Николаевича Леонтьева в тесной связи с создававшейся им и его единомышленниками системой идей. Источниками настоящего исследования выступили не только известные работы ученого, его соратников и оппонентов, но и некоторые архивные материалы, в том числе те, которые ранее не были введены в научный оборот.

Начало: Дело или Слово?

В свое время единомышленник А.Н. Леонтьева философ Э.В. Ильенков, интерпретируя наследие Б. Спинозы в духе «деятельностного» (а не созерцательного, как было принято считать в советское время) материализма, подчеркнул, что к выводу о деятельностной природе познания мог прийти только человек труда, каковым был Б. Спиноза, «знавший цену и своего и чужого труда, работы умных человеческих рук» (Ильенков, 1991, с. 105). Аналогичное можно сказать и об Алексее Николаевиче Леонтьеве. Общепсихологическая теория деятельности, справедливо связываемая с его именем, была создана человеком, которому с детства была знакома работа «умных человеческих рук».

Родившись 5(18) февраля 1903 года в интеллигентной московской семье, мальчик с ранних лет обнаружил интерес к технике, который получил свое развитие в реальном училище. «Мои родители думали, — писал много позже в своей незаконченной автобиографии Алексей Николаевич, — что я стану инженером» (цит. по: Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 16). Особенно его привлекало конструирование аэропланов, причем он строил свои модели самостоятельно, поскольку в реальном училище никаких кружков по авиамоделированию не было. Впоследствии это увлечение определенным образом скажется на особенностях проводимых им исследований еще в ранний период становления деятельностного подхода в психологии: так, в 1930-е гг. А.Н. Леонтьев вместе со своими коллегами проводит психологические исследования детских интересов и возможностей их

формирования, в частности, на материале конструирования детьми авиамodelей во Дворце пионеров и октябрят г. Харькова и в Парке культуры и отдыха им. М. Горького в Москве.

Практически во всех работах А.Н. Леонтьева — начиная с самых первых его научных исследований — отчетливо проглядывает еще одна важнейшая интенция ученого: он всегда стремился не просто «связать психологию с жизнью», а с самого начала изучать психологию человека в реальных условиях его деятельности, выступающей, по известному выражению А.Н. Леонтьева, «единицей жизни». Этот интерес к жизненной психологии возник у него еще в юности: Первая мировая война, затем революционные события и гражданская война привели, как говорил сам ученый, к тому, что «технические интересы как-то сами собой исчезли и возникли проблемы философские» (цит. по: Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 16), которые и побудили А.Н. Леонтьева в начале 1920-х годов поступить на факультет общественных наук (ФОН) Московского университета.

В 1920-е годы из всех наиболее «жизненных» проблем психологии А.Н. Леонтьева привлекали прежде всего аффекты, о чем свидетельствуют, в частности, сохранившиеся в его семейном архиве три текста, посвященные данной тематике, датируемые 1923 и 1925 годами (Психологическая теория деятельности..., 2006, с. 352). Первый текст представляет собой нечто вроде курсовой работы, написанной А.Н. Леонтьевым под руководством Г.И. Челпанова еще в период обучения на факультете общественных наук, и посвящен реферативному изложению системы идей У. Джеймса, включая его теорию эмоций. В двух других текстах (1925-го года), созданных А.Н. Леонтьевым уже в период сотрудничества с Л.С. Выготским, представлены изложение и анализ учения об аффектах в трудах Б. Спинозы, любимого философа «Моцарта психологии». В этот же период молодой ученый принимает активное участие в исследованиях «аффективных реакций», которые проводит его друг А.Р. Лурия. Тогда-то и обнаружилось, что «умные человеческие руки» позволили А.Н. Леонтьеву самостоятельно создавать различные экспериментальные установки, о чем с некоторым удивлением и восхищением говорили впоследствии многие его соратники и ученики.

Во второй половине 1920-х гг. А.Н. Леонтьев, как известно, проводит экспериментальные исследования высших психических функций (на материале памяти и внимания) в соответствии с развиваемыми в этот период школой Л.С. Выготского положениями культурно-исторического подхода. Результаты этих исследований,

представленные главным образом в его книге «Развитие памяти» (Леонтьев, 1931), внесли существенный вклад в дальнейшее развитие этого подхода в плане смещения интереса от изучения знаков в их инструментальной функции к значению как «внутренней стороне» знака и к развитию значений в онтогенезе. Однако уже в начале 1930-х гг. А.Н. Леонтьев вступает в серьезную полемику со своим учителем, став лидером Харьковской школы, в которой разрабатывалась новая (альтернативная, как тогда казалось, программам Л.С. Выготского) научная программа: «практическая деятельность и сознание». Нам представляется, что одним из оснований такого поворота был неизбывный интерес А.Н. Леонтьева к Делу, практике в целом, о чем он сам говорил в своей устной биографии (Психологическая теория деятельности..., 2006, с. 375).

Дискуссии между А.Н. Леонтьевым и Л.С. Выготским касались прежде всего отношений Дела и Слова. Несмотря на то, что разные аспекты этих дискуссий хорошо представлены в литературе, остановимся на некоторых их моментах в контексте решения поставленной в культурно-деятельностной психологии «сверхзадачи» — сделать психологию жизненной. В завершении своего труда «Мышление и речь» Л.С. Выготский писал (как бы отвечая на упреки критиков в «словоцентризме» его системы): «Слово было не вначале. Вначале было дело. Слово образует скорее конец, чем начало развития. Слово есть конец, который венчает дело» (Выготский, 1982, с. 360). В «Материалах о сознании» (рукописи, датируемой 1940–1941 гг.) А.Н. Леонтьев, видимо, излагая ту же мысль Л.С. Выготского, отмечал: «В начале было дело (затем стало слово и в этом все дело!)» (Леонтьев, 1994, с. 40). Много лет спустя А.Н. Леонтьев, по воспоминаниям Б.С. Братуся, начинал доверительный разговор на данную тему с воспроизведения известной фразы из «Фауста» Гете: «Вначале было дело». Затем, после паузы, говорил тоном выше и веселее: «Но дело было и потом». Выдержав еще одну паузу, с лукавой улыбкой делал вывод: «И в этом-то все и дело!» (Братусь, 2013). Именно разное решение проблемы соотношения Слова и Дела, по мнению Б.С. Братуся (равно как и других многочисленных критиков А.Н. Леонтьева), и развело двух ученых в начале 1930-х гг.

Между тем исследования, проводимые в возглавляемой А.Н. Леонтьевым Харьковской школе, показали, что научные программы двух разных коллективов ученых — новообразованной школы и «московской группы» Л.С. Выготского — были не альтернативны, а до-

полнительны: это было движение «с разных сторон» в рамках одного направления (Интервью..., 2013).

В начале, действительно, было Дело в самом прямом значении этого слова. В частности, в исследованиях В.И. Аснина и А.Н. Леонтьева было показано, что развитие у детей «практических обобщений» на ранних стадиях онтогенеза предвосхищает развитие речевого дискурсивного мышления, а овладение орудием означает присвоение индивидом общественно выработанного способа его употребления, то есть системы соответствующих операций. А.В. Запорожцем и Г.Д. Луковым была убедительно доказана роль практической деятельности самого ребенка в развитии его рассуждений о свойствах вещей. На материале усвоения школьниками закона Архимеда П.И. Зинченко экспериментально опроверг точку зрения Л.С. Выготского на различие путей формирования житейских и научных понятий, показав, что для формирования последних также необходима организация соответствующей практической деятельности субъекта. В исследованиях Г.Д. Луковым детских игр с «переименованием» была доказана гипотеза о том, что осознание слова определяется развитием его употребления в деятельности (Соколова, 2023, с. 100–112, 132–137).

Однако то, что затем «стало Слово — и в этом все дело», не менее убедительно доказано в других исследованиях харьковчан. Так, например, А.В. Запорожцем было показано, что, хотя первичное обобщение происходит в предметно-практическом действии и посредством него и лишь затем носителем — «причалом» — значения становится предметно отнесенное слово, для превращения практического действия в умственное действие, осуществляемое во внутреннем плане, совершенно необходимо дать внешне-речевое выражение вещам и понятиям (там же, с. 121–124). Впоследствии данные идеи найдут свое мощное развитие в теории и практике планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина: как известно, необходимыми этапами формирования действий во внутреннем плане являются этапы «громкой речи» и «внешней речи про себя».

В то же время оказывается верной и третья формула («но Дело было и потом»), ибо внутренняя форма деятельности, опосредствованная Словом, — это тоже деятельность, которая имеет особые свойства и направлена на решение иных задач, но тем не менее сохраняющая все характеристики деятельности вообще. Внутренняя деятельность, впоследствии говорил Д.Б. Эльконин в дискуссии

1969 года, «*есть тоже деятельность. Она осуществляет такие же задачи, она так же построена, как внешняя, физическая трудовая деятельность*» (Дискуссия..., 2004, с. 338), и имеет аналогичные «составляющие» — ориентировочную (собственно психическую) и исполнительную.

Как нам представляется, сохраняющееся у некоторых психологов убеждение в противостоянии друг другу «словоцентристской» и «деятельностно ориентированной» психологии зиждется на весьма узком понимании самой деятельности, то есть на ее сведении лишь к внешне-практической форме. К примеру, Б.С. Братусь, утверждая в указанной ранее статье, что за Словом стоит «общение, аффект, знак», отказывает в этом Делу (деятельности); более того, он считает, что может быть «принципиальная возможность свободы и автономности от деятельностной бытийной обусловленности» (Братусь, 2013, с. 20). В таком случае деятельность неправомерно сводится к каким-то примитивным ее формам, не опосредствованным Словом и не несущим в себе «высших смыслов». В работах самого А.Н. Леонтьева и его соратников это совершенно не так: деятельностью следует называть, согласно А.Н. Леонтьеву, и решение нравственных задач, воплощающееся, в частности, в человеческих поступках.

Столь же диалектически разрешается в школе А.Н. Леонтьева и поставленная Л.С. Выготским проблема соотношения «аффекта» и «интеллекта». Соглашаясь с высказываниями своего учителя о том, что за сознанием лежит жизнь, А.Н. Леонтьев тем не менее не может принять понимание Л.С. Выготским сути этой «жизни» как «жизни аффектов» как таковых, ведь аффект, подчеркивает ученый в «Материалах о сознании», — не «*движущая сила*» (Леонтьев, 1994, с. 40). Этой силой, утверждает он в «Методологических тетрадах» (писавшихся в 1938–1942 гг.), выступает мотив как вещь, ставшая предметом моей деятельности (изначально практической), который в этой деятельности приобретает для меня смысл, «выступает для меня как смысл» (там же, с. 185).

Именно поэтому, по мнению А.Н. Леонтьева, для решения проблемы соотношения «аффекта» и «интеллекта» следует вернуться к изучению самой деятельности, особенностей ее различных типов, видов и форм, ее структурных уровней и смыслов как «следов» этой деятельности, и тогда психология может сомкнуться «с проблемами человеческой *этики*. Она становится наукой о жизни человека.

И в этом пафос нашего пути. Поэтому учение о деятельности есть альфа, учение о смысле — омега психологии!» (там же, с. 210)¹.

Уже в харьковский период развития школы А.Н. Леонтьева были проведены исследования мотивов детей в реальных условиях их жизни (например, ранее упомянутые нами исследования детских интересов в парке имени М. Горького в Москве и во Дворце пионеров г. Харькова, которые были нацелены не только на диагностику уже имеющихся мотивов, но и на их формирование путем организации соответствующей деятельности детей). В 1930-е гг. были осуществлены также исследования Г.Д. Лукова, П.И. Зинченко, Т.О. Гиневской и др., в которых получило существенную разработку понятие смысла как субъектно-объектной реальности и как «следа» (результата) деятельности. Уже тогда для психологов школы А.Н. Леонтьева стало очевидным, что изучение отдельных психических процессов и движений ребенка вне контекста определенной, значимой для него деятельности является методологической ошибкой.

Подобные идеи нашли свое блестящее подтверждение во время Великой Отечественной войны на материале, говоря словами Л.С. Выготского, «высокоорганизованной» практики, а именно практики восстановления движений у раненых в госпитале поселка Коуровка. Конечно, в этот период А.Н. Леонтьев уже не мог с прежней интенсивностью заниматься теоретическими и экспериментальными исследованиями, зато раскрылись его организаторские таланты как человека Дела в сложных условиях военного времени.

Устроитель людей и дел

Несомненные организаторские способности А.Н. Леонтьева проявились уже в самом начале Великой Отечественной войны, когда коллектив сотрудников Психологического института, обнаружив 16 октября 1941 года отсутствие руководства (напомним, что этот день стал началом большой паники и массового бегства населения из прифронтовой Москвы), избрал его 20 октября того же года и.о. директора (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 83). После утверждения его на этом посту Наркомпросом А.Н. Леонтьев пошел к тогдашнему ректору университета Б.П. Орлову и добился от него, чтобы Психологический институт вернули университету. О данном

¹ В 1972 году, в интервью М.Г. Ярошевскому, А.Н. Леонтьев убежденно говорил, что Л.С. Выготский, если бы он прожил хотя бы еще десять лет, возвратился бы к «исходному движению», а именно к движению от дела к слову, от деятельности к переживанию (Интервью..., 2013, с. 15).

периоде своей жизни он впоследствии писал Н.Г. Морозовой: «теоретически я не работал, старался зато всю эксплуатировать свои организаторские таланты (в обычное время я ленился это делать)...» (Морозова, 1983, с. 261). Эти таланты особенно пригодились А.Н. Леонтьеву, когда он сделался, по его же словам, «эвакуатором»: организовал эвакуацию сотрудников МГУ и Института в Ашхабад, выехав из Москвы 11 декабря 1941 года с последней группой.

Узнав о неожиданном предписании перевести университет из Ашхабада в Свердловск, А.Н. Леонтьев с горечью признавался в письме Н.Г. Морозовой от 18 июня 1942 г.: «опять придется отложить науку неизвестно на сколько месяцев...» (там же, с. 263). 11 февраля 1943 года он писал в своем дневнике, что чувствует «усталость от ложного, внутренне мне не свойственного образа жизни. Я не могу и не должен выступать в роли администратора, организатора, устроителя людей и дел. <...> После войны хочется совсем перейти на внутреннюю, без административных функций, работу. Нужно сделать 2-ой том, м<ожет> б<ыть>, переделать немного и 1-ый том. Нужно сделать это дело жизни» (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 362)¹.

В момент написания процитированного нами текста дневника А.Н. Леонтьев был также руководителем Восстановительной клиники, организованной 6 сентября 1942 года под Свердловском, в поселке Коуровка. Мечтая сбросить с себя, как пишет далее Леонтьев в своем дневнике, «это административное дело», он тем не менее заключает: «Но так нельзя. Нужно стряхнуть с себя это состояние. Я буду делать госпиталь и сделаю его, и вытяну воз Института» (там же).

Из личных писем, хранящихся в семейном архиве А.Н. Леонтьева, можно узнать, какую бурную деятельность (письменные запросы, официальные вызовы, телеграммы, звонки в соответствующие инстанции и пр.) А.Н. Леонтьев развивал в этот период, чтобы, например, заполучить к себе своих друзей и соратников — П.Я. Гальперина (из госпиталя в Тюмени) и А.В. Запорожца (из госпиталя в поселке

---

¹ Во второй половине 1930-х гг. А.Н. Леонтьев задумал и начал разрабатывать грандиозный проект создания общей теории развития психики, которая должна была быть изложена в трех томах в качестве докторской диссертации (степень «кандидата биологических наук» была присуждена А.Н. Леонтьеву без защиты диссертации Ученым Советом Всесоюзного института экспериментальной медицины в 1936 г.). По совету Б.М. Теплова он представил к защите первый том; сама защита диссертации А.Н. Леонтьева на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по психологии) состоялась в мае 1941 года, а написанные к этому времени материалы ко второму и третьему томам пропали в 1942 г. в Свердловске при ограблении склада, где они временно хранились.

Кисегач Челябинской области), поскольку руководители этих учреждений не хотели отпускать ценных сотрудников.

В письме от 12 ноября 1942 года П.Я. Гальперин, мечтая вновь «работать вместе», как в Харькове, и ожидая от А.Н. Леонтьева вызова, констатирует, что «начальство меня не отпустит добровольно — это настолько очевидно, что я и разговаривать с ним не буду», и просит А.Н. Леонтьева проделать «всю операцию <...> так и в таком темпе, чтобы оно, начальство мое, не успело принять контрмеры путем переговоров с Свердловском». К сожалению, телефонный звонок А.Н. Леонтьева вышестоящему руководству (о чем Гальперин сообщает в письме А.Н. Леонтьеву от 21 декабря 1942 года) раздался в тот момент, когда начальник госпиталя в Тюмени был на приеме у этого руководства и, как с горечью констатирует П.Я. Гальперин, «всё поломал». Петр Яковлевич пишет далее, что начальник госпиталя его «и страшал, и прельщал. Я твердо заявил ему, что оставаться здесь не хочу, что ему нет смысла меня удерживать, что хотя он и м.<ожет> это сделать, но работника во мне не получит, потому что я буду ждать только времени, когда моя неволя закончится и все равно уйду, что дело в объективном положении вещей <...>. Я же безоглядно хочу работать у тебя и с тобой и поэтому твоя открытка меня много обрадовала. Итак, сохрани пока за мной отведенное место в плане и в Коуровке (так?). <...> Весь твой П.Г.»

Аналогичные трудности возникли и с переводом А.В. Запорожца из госпиталя в Кисегаче в Коуровку. 19 октября 1942 года он писал А.Н. Леонтьеву, что, после определенной договоренности с А.Р. Лурией об отъезде, он [Лурия] «стал жалеть, что я уезжаю, и всячески уговаривать меня остаться. В конце концов мы все же с ним договорились, и он взял на себя уладить с начальством вопрос о моем отъезде. На другое утро он сказал мне, что все в порядке, но когда мы с ним пошли к начальнику, то все оказалось далеко не так, как ему представлялось <...>. Словом, он не хочет меня отпускать. <...> Напиши мне, как мне вести себя в этой ситуации». Письмо от 6 ноября 1942 года содержит ту же просьбу А.В. Запорожца о содействии: «Очень здорово было бы, если бы ты поднажал оттуда, это здесь бы помогло. <...> Очень уж хочется быть вместе».

Собрав замечательную команду (в нее входили, кроме уже упомянутых П.Я. Гальперина и А.В. Запорожца, также Т.О. Гиневская, С.Я. Рубинштейн, Я.З. Неверович, А.Г. Комм, В.С. Мерлин и др.), А.Н. Леонтьев возглавил всю исследовательскую работу по психологическим и психофизиологическим механизмам восстановления

движений у бойцов с повреждениями верхних конечностей, которая позволила выработать новые эффективные формы терапии. Теоретической основой этой работы были не только идеи культурно-деятельностной психологии, но и положения физиологии активности Н.А. Бернштейна. Для коррекции и перестройки движений рук после ранений необходимо было включить их в специально организованную осмысленную для больного деятельность, мотивы, цели и задачи которой позитивно влияли на восстановительный эффект.

Подобная работа была продолжена затем в Москве, после возвращения сотрудников Психологического института, в созданной в 1944 году при кафедре психологии МГУ психофизиологической лаборатории, работавшей в сотрудничестве с ЦИТО. Результаты исследований и практической работы в этом направлении нашли свое отражение в монографии А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца «Восстановление движения» (1945).

Резэвакуация сотрудников МГУ из Свердловска в Москву была осуществлена столь же организованно, как и их эвакуация из Москвы в 1941 г. В письме от 12 июля 1943 года П.Я. Гальперин сообщал жене Леонтьева Маргарите Петровне: «У А.Н. страшно много адм.-хоз. дел по ликвидации имущества <...> и по резэвакуации остатков кадров Ун-та. И не меньше — по налаживанию работы лабораторий и мастерских Коуровки. Он очень устает и порой это остро чувствует. Правда, он необыкновенно быстро оправляется и снова начинает действовать».

Возвратившись в Москву, А.Н. Леонтьев продолжает — параллельно различным линиям своей научной и педагогической работы — выступать все в той же роли «устроителя людей и дел», став заведующим лабораторией (затем Отделом) детской психологии Психологического института, уже в сентябре 1943 года собирая «под свое крыло» всю пятерку учеников Л.С. Выготского: Л.И. Божович, Л.С. Славина, Н.Г. Морозова, А.В. Запорожец работают в Психологическом институте, Р.Е. Левина — в Институте дефектологии.

От подобной административно-организационной деятельности, осуществляемой А.Н. Леонтьевым ради сохранения психологической науки и людей этой науки, он так и не смог отказаться и после войны, что не могло не ограничивать его возможности в плане занятий теоретической и экспериментальной работой. Тем не менее именно в послевоенное время Леонтьев активно работает над оформлением системы идей психологии деятельности в своих печатных трудах. Уже в 1947 году выходит его книга «Очерк развития психики». Осенью

1948 года в Психологическом институте проходила долгая дискуссия по «Очерку», которая чрезвычайно интересна тем, что в устных докладах позиции выступающих были гораздо более четко эксплицированы, нежели допускалось в то время в печатных изданиях¹. Из всех линий полемики А.Н. Леонтьева со своими оппонентами, освещавшихся уже в той или иной степени в критической литературе, мы остановимся на одной, но весьма значимой для него линии, имеющей отношение к проблемам теории и практики обучения и воспитания школьников, то есть опять-таки к жизненной психологии.

От педагогики необходимости к педагогике свободы

В дискуссии по «Очерку развития психики» вопрос соотношения обучения и воспитания был поднят в связи с представленной в книге А.Н. Леонтьева, равно как и в других его работах того времени, концепцией структуры сознания. В своих выступлениях в дискуссии А.Н. Леонтьев защищал положение о том, что значение и смысл как составляющие, или моменты, сознания имеют «разную основу, разное происхождение и изменяются по разным законам» (Леонтьев, 1947а, с. 82). Если значение как момент индивидуального сознания является результатом вычерпывания из общественного сознания «элементов» обобщенного отражения действительности и «кристаллизацией» соответствующих операций, то за личностными смыслами стоят мотивы деятельности субъекта².

Согласно А.Н. Леонтьеву, именно смыслы и стоящие за ними мотивы и обуславливают «известную избирательность по отношению к значениям», когда человек может усвоить те или иные понятия и идеи настолько глубоко, что «они становятся для него действительными, глубоко своими личными <...>. По отношению же к другим понятиям, идеям, знаниям у него может оказаться “глухое ухо” или они

¹ Тексты двух выступлений А.Н. Леонтьева в указанной дискуссии, тщательно сверенные со стенограммами, снабженные комментариями и предисловием одного из авторов настоящей статьи (Е.Е. Соколовой), были введены в научный оборот в коллективной монографии: Культурно-историческая психология..., 2023.

² В эти годы сотрудниками возглавляемого А.Н. Леонтьевым Отдела детской психологии Психологического института (А.В. Запорожцем, Н.Г. Морозовой, З.М. Истоминой, З.В. Мануйленко и др.) проводятся многочисленные эмпирические исследования мотивации детей, результаты которых были опубликованы затем в ряде изданий, адресованных не только научной общественности, но и учителям и воспитателям. В 1945 году А.Н. Леонтьев был избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР, в 1950 г. стал действительным членом этой Академии, а в 1953 г. получил медаль К.Г. Ушинского за цикл работ по детской психологии.

могут даже приобрести для него совершенно посторонний, а иногда и противоположный их содержанию смысл» (Научный архив..., 1948, л. 224). Без знаний, говорил А.Н. Леонтьев, невозможно воспитать человека, но «нужна почва для того, чтобы знания, воспринимаемые ребенком, были действенными; и эта почва есть правильно организованная жизнь ребенка, школьника» (там же, л. 233). В противном случае человек может на словах проповедовать «великие идеи», а сам вести себя в соответствии с совершенно иными принципами. Очевидно, что такая позиция предполагала радикальное изменение взглядов на методы обучения и воспитания детей.

Оппоненты А.Н. Леонтьева, сторонники традиционной (учебно-трансляционной) системы обучения и воспитания в советской школе, считали, что отношения смысла и значения у А.Н. Леонтьева «перевернуты». Так, Н.А. Менчинская утверждала, что «справедливо обратное положение: смысл порождается, в основном, исторически сложившимися “значениями” — знаниями, отражающими действительность» (Научный архив, 1948, л. 133). А вопрос о мотивах, по ее мнению, может вставать лишь после овладения школьником определенными знаниями, и учитель должен выработать у учащихся «правильное» эмоциональное отношение к ним и превратить их в защищаемые убеждения.

Однако сформированное путем трансляции строго определенных значений мировоззрение могло существенно расходиться с теми впечатлениями, которые люди получали в реальной жизни, что, в свою очередь, приводило к дезинтеграции в их сознании значений и смыслов. Но именно «практика жизни» и способствовала тому, чтобы рано или поздно сложившееся к этому времени мировоззрение человека перестроилось, причем зачастую «скачкообразно» (Леонтьев, 1994, с. 43–45). Правда, согласно А.Н. Леонтьеву, «усвоенные человеком значения, представления, мысли вовсе не изменяются сами по себе, автоматически, как только они теряют почву в объективных условиях жизни. Они могут сохранить для человека силу предрассудков, иногда требующих упорной борьбы для того, чтобы развенчать их в его сознании» (Леонтьев, 1947а, с. 115).

Таким образом, в работах А.Н. Леонтьева и представителей его школы разрабатывались совершенно иные методологические основания воспитания и обучения, нежели те, которые были приняты в официальной педагогике того времени. Эти две противоречащие друг другу системы идей и практик были впоследствии метко названы «педагогикой свободы» и «педагогикой необходимости». Результатом

педагогических воздействий в рамках последней было формирование лишь «социального индивида» (в терминологии учеников А.Н. Леонтьева В.В. Петухова и В.В. Столина) со строго определенной системой взглядов, который фактически был лишен персональной ответственности за свои поступки. В таком случае, утверждал А.Н. Леонтьев, «самые лучшие внушенные нами воспитаннику намерения могут стать у него такими намерениями, о которых было сказано: добрыми намерениями вымощена дорога в ад» (Леонтьев, 1947б, с. 6).

В отличие от «педагогика необходимости», «педагогика свободы» предполагает создавать условия для рождения собственно личности в самом узком и точном смысле этого слова, которая, обладая критическим мышлением, сама на свой страх и риск принимает решения, определяясь в своих отношениях к миру, обществу и собственной жизни. При этом ни в коем случае не следует считать данное самоопределение социально обусловленным: как говорил еще Л.С. Выготский, «индивидуальное личностное — не contra, а высшая форма социальности» (Выготский, 1986, с. 54). Конечно, лежащая в основе «педагогика свободы» теория личности, контуры которой сложились у А.Н. Леонтьева уже к 1940-му году, не могла найти тогда свое полноценное и развернутое изложение в печати в силу известных социокультурных условий. Однако проникательные читатели работ А.Н. Леонтьева второй половины 1940-х гг. увидели в них некоторые намеки на важнейшую категорию психологии личности — категорию поступка. Так, выступавший в дискуссии 1948 года Н.И. Жинкин в конце своего доклада сделал следующий вывод: «Алексей Николаевич подходит близко к одной проблеме — проблеме поступка. <...> Я думаю, что дальнейшие исследования заставят его заняться этой проблемой и приведут к положительным результатам» (Научный архив, 1948, л. 113).

Вершина жизни

С конца 1960-х гг., когда публикация основных положений теории личности А.Н. Леонтьева стала возможна, ученого по-прежнему заботили практические вопросы образования и воспитания человека. Проделав мощную работу по организации факультета психологии как отдельного подразделения МГУ и став его деканом в 1966 г., А.Н. Леонтьев пытался реализовать методологию «педагогика свободы» в тех рамках, какие задавались тогдашней системой обучения. Это и резкое противостояние системе зазубривания, заучивания в полном соответствии с ильенковской формулой «школа должна учить

мыслить»¹, и организация с 1967 года летних психологических школ (ЛПШ), где студенты факультета психологии МГУ вместе с преподавателями могли в совершенно неформальной обстановке учиться ставить и пытаться решать вопросы, как говорил сам А.Н. Леонтьев, не по-обывательски, а по-научному, обсуждая при этом не только научные, но и интимные, житейские, а также общественно-политические проблемы по принципу «контroversы между тем, что они слышат, и между тем, что они видят, противоречия, которые имеются в жизни — обыкновенно реальные противоречия» (Леонтьев, 2004). При этом А.Н. Леонтьев специально следил за тем (и требовал этого от преподавательского состава ЛПШ), чтобы ни одно высказывание, ни одна мысль участников школы не стала предметом хотя бы легкого высмеивания и тем более осуждения, стараясь найти, по его словам, «в неверно поставленном вопросе верное зерно. Здесь культивировалось уважение ко всякому мнению, к мысли» (там же).

И все это происходило на фоне громадной административной работы А.Н. Леонтьева, прежде всего, на посту декана факультета психологии и заведующего кафедрой, не говоря уже о его деятельности в Академии педагогических наук, в Обществе психологов и в других организациях. Про этот период жизни А.Н. Леонтьева как «устроителя людей и дел» вспоминали очень многие его ученики. «Он был в первую очередь, — подчеркивал Б.М. Величковский, — гениальный администратор и организатор психологической науки» (Величковский, 2003, с. 146). Называя «вершиной жизни» А.Н. Леонтьева 1966 год, Б.М. Величковский имел в виду не только огромный вклад А.Н. Леонтьева в создание факультета психологии МГУ, но и организацию и проведение в том же году XVIII Международного психологического конгресса в Москве с 4-мя тысячами участников, который стал, по общему мнению, одним из лучших в мировой психологии. Еще одним «делом своей жизни» сам А.Н. Леонтьев называл созданный в 1977 году журнал «Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология».

Хотя организационно-административные дела А.Н. Леонтьева занимали много времени, его научная работа тем не менее про-

---

¹ Обучение ни в коем случае, утверждал А.Н. Леонтьев, не должно превращаться в тренировку памяти как таковой (ибо «многознание уму не научает», как говорил еще Гераклит), и поэтому предлагал разрешить пользоваться школьникам и студентам на контрольных работах и даже на экзаменах различными справочниками, чтобы педагог убедился не в том, помнит ли обучающийся ту или иную дату или формулу, а в том, понимает ли он их смысл.

должалась, о чем свидетельствуют, например, коррекция им текста последующих изданий книги «Проблемы развития психики» (Леонтьев, 1959), удостоенной в 1963 г. Ленинской премии, выход в свет монографии «Деятельность. Сознание. Личность» (Леонтьев, 1975), удостоенной, в свою очередь, Ломоносовской премии, не говоря уже о статьях и выступлениях, в которых не только подводились итоги сделанному в его школе, но и выделялись сложные моменты, неясности и противоречия в системе идей психологии деятельности. Особенно интересной в этом отношении является ставшая теперь известной дискуссия 1969 года, в которой принимали участие соратники и одновременно «внутренние оппоненты» А.Н. Леонтьева (П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин) и в которой «темные» и спорные моменты психологии деятельности оказались особенно ясно выделены и проанализированы всеми участниками дискуссии.

Лекции, которые А.Н. Леонтьев продолжал читать студентам факультета психологии МГУ, производили на сидящих в аудитории неизгладимое впечатление. Лектор завораживал их своей артистичностью, импровизациями и в то же время строгой логикой изложения обсуждаемой темы, методологической насыщенностью лекций, сложностью их содержания и языка. Об этом последнем вспоминали многие его тогдашние студенты и сотрудники, однако у подготовленных слушателей на лекциях А.Н. Леонтьева возникало ощущение, что он вводит тебя в лабораторию своей мысли, побуждает к самостоятельным размышлениям, к повторному и более продуманному чтению психологической и философской литературы, формирует особую культуру мышления.

На посту декана факультета психологии А.Н. Леонтьев оставался до своей кончины 21 января 1979 года. Многие выпускники созданного им факультета стали известными учеными и работают не только в России, но и во многих странах мира.

Вместе с тем творческое наследие А.Н. Леонтьева в настоящее время практически перестало изучаться и, что еще более печально, использоваться как методологическое основание для эмпирических и практико-ориентированных исследований. Во многом это обусловлено, как отмечал еще А.А. Леонтьев, «квазинаучной» критикой общепсихологической теории деятельности в перестроечные и постсоветские годы (особенно за ее марксистские корни) и подменой сложных построений этой теории их «двойником-карикатурой» (Леонтьев, 2001, с. 98).

Однако марксизм марксизму рознь. Историко-психологические и методологические исследования последних лет позволили сделать вывод, что А.Н. Леонтьев и его школа ориентировались на аутентичный марксизм, а не на его редуцированный и выхолощенный вариант, известный под названием «диамата», основным вопросом которого стал вопрос о первичности/вторичности материи и сознания при их фактически абсолютном противопоставлении. В этом проглядывал дуализм картезианства; от картезианства был унаследован и постулат непосредственности в психологии, с которым школа А.Н. Леонтьева боролась на всем протяжении ее истории. Неслучайно еще Л.С. Выготский настаивал на «оживлении спинозизма» (как антипода картезианства) в «так называемой» марксистской психологии, и это «оживление», на наш взгляд, произошло как раз в школе А.Н. Леонтьева. В работах одного из авторов настоящей статьи (Соколова, 2019) было показано, что общепсихологическая теория деятельности имеет в своей философской основе не только гегельянство и аутентичный марксизм, но и спинозизм.

Данное обстоятельство делает изучение наследия А.Н. Леонтьева и его школы весьма актуальным: по нашему мнению, деятельностно ориентированная психология бросает методологический вызов тем направлениям современной науки, которые гласно или негласно базируются на картезианстве, ставшем, по утверждению Л.С. Выготского, источником разнообразных дихотомий в психологии.

Заключение

В настоящей статье были затронуты некоторые важнейшие события творческой биографии классика советской психологии А.Н. Леонтьева и представлен анализ отдельных ключевых идей созданной им и его школой общепсихологической теории деятельности в контексте их значимости для решения задач «высокоорганизованной практики» — практики жизни. Однако, несмотря на уже имеющиеся разнообразные историко-психологические и методологические исследования творческого наследия как самого А.Н. Леонтьева, так и представителей созданной им школы, многие его аспекты остаются не изученными в должной мере.

Так, к примеру, в литературе до сих пор системно не представлен анализ многочисленных эмпирических исследований школы не только в общей психологии, но и в других отраслях психологической науки. Сам А.Н. Леонтьев, сетовал в свое время В.П. Зинченко, такой «вразумительной книги» с эмпирическими обоснованиями теории

деятельности не написал, и в его рассуждениях о загонщиках, охотниках, отражениях и пр. «теряются в высшей степени интересные идеи о деятельности, о сознании, о смысле и т.д., тогда как есть богатейший эмпирический материал» (Зинченко, 2003, с. 170)¹.

Не проанализирован системно вклад школы А.Н. Леонтьева и в практическую психологию. Это приводит, ко всему прочему, к весьма поверхностному и схематическому усвоению теории деятельности студентами вузов, которые, считая ее чересчур сложной и «абстрактной», не видят в ней инструмента решения задач, поставленных самой жизнью.

Более того, до сих пор отсутствует подробная и точная хронология жизни и творчества А.Н. Леонтьева, не устранены имеющиеся в различных биографических материалах противоречия. Решение этой задачи осложняется еще и тем, что сам создатель теории деятельности не оставил мемуаров о своей жизни и научной деятельности, как не оставил он и своего развернутого «научного завещания», в котором были бы намечены перспективы развития созданной им и его школой системы идей.

С учетом всех этих обстоятельств мы считаем необходимым и возможным не только продолжать углубленный историко-методологический анализ творческого наследия А.Н. Леонтьева, но и популяризировать это наследие. Это предполагает, в частности, создание специальных учебно-методических пособий для студентов и аспирантов психологических факультетов вузов, содержащих подробные разъяснения сложных положений общепсихологической теории деятельности и противоречий в ней с отсылками к проведенным в школе А.Н. Леонтьева эмпирическим исследованиям и практическим разработкам, а также написание комментариев к различным текстам ученого, в том числе архивным. Иначе Дело и Мысль А.Н. Леонтьева, не представленные должным образом в Слове, понятном новым поколениям психологов, не войдут составной частью в их профессиональный образ мира и не станут возможным методологическим основанием их исследований, в том числе тех, которые имеют прямое отношение к решению задач «высокоорганизованной практики».

¹ Недавно вышедшая книга (Соколова, 2023) частично восполняет этот пробел: в ней представлены и проанализированы основные эмпирические и практические исследования Харьковской школы 1930-х гг., в том числе те работы ее представителей, которые не были опубликованы или опубликованы в труднодоступных для современного читателя источниках. Однако остается задача такого же развернутого и системного представления эмпирических исследований школы А.Н. Леонтьева последующих десятилетий.

Литература

Братусь Б.С. «Слово» и «дело»: к истории научных отношений А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 18–24.

Величковский Б.М. «Только следование элементарным принципам научного мышления вернет всё на какие-то нормальные рельсы» // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 132–161.

Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Серия. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52–65.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Л.С. Выготский Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.

Дискуссия о проблемах деятельности // А.Н. Леонтьев Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004. С. 303–338.

Зинченко В.П. «Да, очень противоречивая фигура...» // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 162–179.

Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.

Интервью с Алексеем Николаевичем Леонтьевым. Беседовал — Михаил Григорьевич Ярошевский (из неопубликованного) // Культурно-историческая психология. 2013. № 4. С. 2–24.

Культурно-историческая психология: истоки и новая реальность / под ред. А.Д. Майданского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев А.Н. Очерк развития психики [на правах рукописи]. М.: Военный педагогический институт Советской Армии, 1947а.

Леонтьев А.Н. Первая летняя психологическая школа // Психология в вузе. 2004. № 4. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/summer/1967/index.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959.

Леонтьев А.Н. Психологические вопросы сознательности учения // Известия АПН РСФСР. Вып. 7. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947б. С. 3–40.

Леонтьев А.Н. Развитие памяти. М.–Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1931.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения: Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения. М.: Государственное издательство «Советская наука», 1945.

Морозова Н.Г. От первой до последней встречи // А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева) / Под ред. А.В. За-

порожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой (отв. редактор), О.К. Тихомирова. М.: Изд-во Московского университета, 1983. С. 257–266.

Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948.

Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006.

Соколова Е.Е. Как А.Н. Леонтьев оживил спинозизм в марксистской психологии, или О неявном философском основании теории деятельности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, № 4. С. 654–673.

Соколова Е.Е. Психология деятельности: становление и перспективы развития. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023.

References

Bratus, B.S. (2013). “Word” and “Deed”: the history of scientific relations. *Natsional’nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 1(9), 18–24. (In Russ.).

Discussion on the problems of activity. (2004). In A. N. Leontiev. *Activity. Consciousness. Personality*, (pp. 303–338). Moscow: Smysl; Akademiya. (In Russ.).

Iyenko, E. V. (1991). *Philosophy and culture*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).

Interview with Alexei Nikolaevich Leontiev. Interviewed — Michael G. Yaroshevskij (Previously unpublished) (2013). *Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 4, 2–24. (In Russ.).

Leontiev, A.A. (2001). *Active mind (Activity, Sign, Personality)*. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Leontiev, A.A. (2006). *Psychological theory of activity: yesterday, today, tomorrow*. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Leontiev, A.A., Leontiev, D.A., Sokolova, E.E. (2005). *Alexei Nikolaevich Leontiev. Activity, consciousness, personality*. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1931). *Memory development*. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1947a). *Essay on the development of mind (published on the rights of manuscript)*. Moscow: Voennyj Pedagogicheskij Institut Sovetskoy Armii. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1947b). *Psychological issues of conscious learning. Izvestiya APN RSFSR (Proceedings of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR)*, 7, 3–40. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1959). *Problems of the development of mind*. Moscow: Izd-vo APN RSFSR. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1975). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1994). *Philosophy of psychology: From scientific heritage*. In Leontiev, A.A. and Leontiev, D.A. (Eds.). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (2004). The first Summer psychological school. *Psikhologiya v Vuze (Psychology at the University)*, 4. (Retrieved from <http://www.psy.msu.ru/science/conference/summer/1967/index.htm>) (retrieved date: 16.12.2022). (In Russ.).

Leontiev, A.N., Zaporozhets, A.V. (1945). *Movement Recovery: Psychophysiological Investigation into Recovering Hand Function after Injury*. Moscow: Sovetskaya nauka. (In Russ.).

Maidansky, A.D. (Ed.) (2023). *Cultural-Historical Psychology: Origins and New Reality*. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». (In Russ.).

Morozova, N. G. (1983). From the first to the last meeting. In A.V. Zaporozhets, V. P. Zinchenko, O. V. Ovchinnikova, O. K. Tikhomirov (Eds.). A. N. Leontiev and modern psychology (in memory of A. N. Leontiev), (pp. 257–266). Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).

Scientific Archive of RAE (Russian Academy of Education) (1948). Coll. 82. aids 1, item 103. (In Russ.).

Sokolova, E.E. (2019). How A.N. Leontiev Revived Spinozism in Marxist Psychology, or On the Implicit Philosophical Basis of the Theory of Activity. *Psychology. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Journal of the Higher School of Economics)*, 16 (4), 654–673. (In Russ.).

Sokolova, E.E. (2023). *Activity Psychology: Formation and Development Prospects*. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». (In Russ.).

Velichkovskij, B.M. (2003). Only following the elementary principles of scientific thinking will return everything to some normal rails. *Psikhologiya v Vuze (Psychology at the University)*, 1–2, 132–161. (In Russ.).

Vygotsky, L. S. (1986). Concrete Human Psychology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin, Series 14. Psychology)*, 1, 52–65. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (1982). Thinking and Speech. In L.S. Vygotsky, *The Collected Works in 6 vols., Vol. 2*, (pp. 5–361). Moscow: Pedagogika. (In Russ.).

Zinchenko, V.P. (2003). “Yes, a very controversial figure...”. *Psychology at the University*, 1–2, 162–179. (In Russ.).

Поступила: 19.12.2022

Получена после доработки: 12.01.2023

Принята в печать: 15.03.2023

Received: 19.12.2022

Revised: 12.01.2023

Accepted: 15.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонина Николаевна Ждан — доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, zhdan@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3068-4971>

Елена Евгеньевна Соколова — доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ees-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>

ABOUT THE AUTHORS

Antonina N. Zhdan — Dr. Sci. (Psychology), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, zhdan@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3068-4971>

Elena E. Sokolova — Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, ees-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>